

Александр Раков

БЫЛИНКИ

Александр Раков

БЫЛИНКИ

Православное издательство "Сатисъ"

2004

Раков А. Г.

Былинки / А. Г. Раков — Православное издательство "Сатись",
2004

ISBN 5-7868-0007-5

Александр Раков родился 9 октября 1947 года в семье военнослужащего. Русский. Служил в советской армии, закончил русское отделение филологического факультета Ленинградского Государственного Университета. Профессиональный журналист. С 1993 года – главный редактор народной просветительской газеты «Православный Санкт-Петербург», а также ее дочерних изданий – «Соборная весть», «Горница», «Правило веры», «Чадушки». С 1998 года ведет в газете рубрику «Записки редактора». По благословению духовного отца, митрофорного протоиерея Иоанна Миронова, вышли книги «записок»: «В ладошке Божией» (2001), «Страницы души» (2002), «Заветные узелки», «Время странствования» (2003). Представляемая книга «Былинки» является продолжением «записок редактора». Лауреат премии Клуба православных журналистов Русской Православной Церкви «За преданность профессии» в 2004 году. Член Союза писателей России.

Александр Раков родился 9 октября 1947 года в семье военнослужащего. Русский. Служил в советской армии, закончил русское отделение филологического факультета Ленинградского Государственного Университета. Профессиональный журналист. С 1993 года – главный редактор народной просветительской газеты «Православный Санкт-Петербург», а также ее дочерних изданий – «Соборная весть», «Горница», «Правило веры», «Чадушки». С 1998 года ведет в газете рубрику «Записки редактора». По благословению духовного отца, митрофорного протоиерея Иоанна Миронова, вышли книги «записок»: «В ладошке Божией» (2001), «Страницы души» (2002), «Заветные узелки», «Время странствования» (2003). Представляемая книга «Былинки» является продолжением «записок редактора». Лауреат премии Клуба православных журналистов Русской Православной Церкви «За преданность профессии» в 2004 году. Член Союза писателей России.

ISBN 5-7868-0007-5

© Раков А. Г., 2004

© Православное издательство
"Сатись", 2004

Содержание

Оздоровляющее чтение	7
От автора	8
Часть I	9
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Александр Раков

БЫЛИНКИ

© Александр Раков, текст, 2004

© Издательство «САТИСЪ», оригинал-макет, оформление, 2004

Оздоровляющее чтение

У меня очень тяжело заболела близкая родственница. Когда прошел напряженный ужас первых двух недель и появилась надежда на спасение, она стала просить принести ей что-нибудь почитать. Не газету – газетами их заваливали, а книгу. Я принес книгу Александра Ракова «В ладошке Божией», скромно изданную, в мягкой обложке. Никким образом она не могла бы соперничать с сотнями и тысячами издаваемых нынче книг, в твердых лакированных переплетах, с тиснением, на блестящей плотной бумаге, с цветными иллюстрациями. Но для русской литературы на все времена остается главным не форма, а содержание. А содержание было настолько человеческим, настолько нужным, что в самой книге была исцеляющая сила. Сама жизнь говорила своим голосом в книге Ракова. И, казалось бы, судьбы людей, описанные автором, были трудными, но такая на всех страницах царилла любовь друг к другу, такое понимание чужой беды, такая вера во всеилие Божие, что становилось легче жить.

Книга обошла всех больных в палате, потом перекочевала в соседние. И ведь, казалось бы, говорила книга о горестях и переживаниях, не старалась ни рассмешить, ни заинтриговать. Но в ней была та жизнь, которой мы живем, было сострадание и милосердие, которых сейчас так не хватает.

Новая книга писателя и редактора продолжает его предыдущие книги. Вновь судьбы людей, находящих спасение в Боге, вновь авторская повесть собственного пути к храму. Это не та «исповедальная» проза теперь уже далеких шестидесятых, когда автор выворачивался наизнанку и хвалился: глядите, какой я плохой, какой я смелый, как я горжусь своей отвратительностью. Нет, здесь исповедь иного рода, здесь сердце болящее, голова думающая, душа, чающая очищения. Здесь опыт созидания человеком самого себя, воспоминание о том, что мы созданы по образу и подобию Божию. Это единственное, что спасет нас. В этом нам помогает книга Александра Ракова.

*Владимир Крупин,
Москва*

От автора

Былинка – крохотные были; то, что было; былинка – еще это те мысли, которые возникают и исчезают в никуда, если их не запишешь. Это и мысли других людей, которыми хочется поделиться. Это стихи, которыми я хотел бы продолжить и расширить собственную мысль. Но поэт не знал, о чем буду писать я, – и писал о своем. Иногда мне удавалось найти стихотворение, иногда – нет, но это несовпадение отнюдь не может выветрить аромат самой поэзии... Одним словом, былинка – это былинка...

Пожалей, дорогой, пожалей
Все кругом, до последней былинки.
Мудрость Божия здесь, на земле,
Познается не только в великом.

Иеромонах Роман (Матюшин)

«Было, да быльем поросло», – приводит пословицу В.И. Даль. Вот и записываю, чтобы не заросло: глядишь, кому-нибудь и пригодится...

Часть I «Не торопите время»

*«Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам?..»
Александр Пушкин † 1837*

«Наше время ни в чем так не нуждается, как в духовной очевидности. Ибо "сбились мы", и "следа" не видно. Но след, ведущий к духовному обновлению и возрождению, найти необходимо и возможно. И мы найдем его. Каким способом? Единственным, который вообще дан человеку: углублением в себя. Не в свою личную, чисто субъективную жизнь, не в свои колеблющиеся, беспредметные "настроения", не в праздную, гложущую и разлагающую рефлексю. Но в свое сверхличное, предметно-насыщенное духовное состояние. Пусть оно будет невелико, пусть оно будет подобно искре. Но в искре есть или уже была искренность, ибо искра есть пылинка вечного, божественного пламени...» (И.А. Ильин).

* * *

Кот Малыш отъел у ящерички хвост; хорошо, успел отобрать у него извивающееся тельце и забросить в траву. Я больно потрепал кота за ухо: «Не тронь маленьких!» Чего недостает этому баловню судьбы? Кошачьей еды вдосталь, всегда на тарелке, но он все одно хищник, и охотиться его не отучить.

Так и с иными людьми бывает: делают-делают им добро, учат уму-разуму, прощают и пестуют, а они все равно преступают законы Божий и человеческие, и нет способа наставить их жить по-другому. Даже Господь отступает от мертвых душ, забирает хранителя-Ангела. Много их по лицу земли ходит, потерянных для Бога, опасных для людей существ в человеческом обличье... Это про них сказано в Откровении: *Знаю твои дела; ты носишь имя, будто жив, но ты мертв* (Откр. 3, 1).

За то, что вы всегда от колыбели лгали,
А может быть, и не могли не лгать;
За то, что, торопясь, от бедной жизни брали
Скорей и более, чем жизнь могла вам дать;

За то, что с детских лет в вас жажда идеала
Не в меру чувственной и грубою была,
За то, что вас печаль порой не освежала,
Путем раздумия и часу не вела;

Что вы не плакали, что вы не сомневались,
Что святостью труда и бодростью его
На новые труды идти не подвизались, —
Обманутая жизнь не даст вам ничего!

Константин Случевский † 1904

* * *

Дети – не только наше будущее, но, в определенном смысле, наше прошлое. Они наследуют нашу внешность, привычки, болезни, призвание; дети несут нам надежду осуществить не осуществленное нами, родителями. Однако здесь мы сталкиваемся с парадоксом: зная по опыту, каких ошибок в их жизни надобно избежать, мы зачастую не в состоянии уберечь родные чада от повторения пройденного – плохой учебы, курения, лени, дурных знакомств и пр. Лучше обстоит дело с продолжением фамильного дела – играет свою роль и семейная атмосфера, и воспитание, и профессиональные связи, наконец.

Но иногда у благопристойного академика один сын становится продолжателем дела своего отца, а другой – бандитом, хотя оба выросли в одинаковых условиях. Почему так, педагогика ответить не в силах. Но христиане знают ветхозаветную историю убийства Каином брата Авеля – зависть и жадность послужили тому причиной. Не принял Господь жертвы Каина – без любви и страха Божия была принесена она, но жертву Авеля принял. Тогда убил Каин брата своего Авеля. Так родились на земле жадность и зависть. *И сказал Господь Каину: почему ты огорчился и отчего поникло лице твое? Если делаешь доброе, то не поднимаешь ли лица? А если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе. Но ты господствуй над ним* (Быт. 4, 6–7).

Никто за Авеля в ответе
Не взвыл, как пес, в библейской мгле.
И снова каиновы дети
С ухмылкой ходят по земле.
Стригут чужих овец без спроса.
И там и тут творят содом.
И чечевицу или просо
Не сеют, а привозят в дом.
Заводят драки повсеместно
И снова рать идет на рать...
И до Потопа, всем известно,
Уже совсем рукой подать.

Николай Рачков, СПб.

* * *

«У тебя свой ад, а у меня – свой», – сказал один герой американского фильма другому. И это правда: ад есть не столько место физических мучений, сколько духовных. Представим себе блудника, отошедшего в мир иной с мыслями о грехе. Но тело, которым ты согрешал, уже поедает черви, а блудная страсть продолжает терзать душу. Страшнее пытки, наверное, и придумать трудно. Вспомним притчу о богаче и Лазаре: некий богач проводил жизнь в роскоши и пиршествах. И лежал у врат дома его нищий по имени Лазарь, желая напитаться крошками со стола богача. Умер нищий, и богач вскоре умер, но нищий попал на лоно Авраамово, а богач в ад. И в аде, будучи в муках, он увидел вдали Авраама, и Лазаря на фоне его. И возопив, сказал: *Отче Аврааме, умиلسердись надо мною, и пошли Лазаря, чтобы, омочил конец перста своего в воде и прохладил язык мой; ибо я мучаюсь в пламени сем* (Лк. 16, 23, 24). Но Авраам отказал богачу: *все доброе он получил уже на земле, а Лазарь злое; ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь* (Лк. 16, 25). Как говорил старец Парфений Киевский: «Подобно небесному, и

на земле есть рай, есть и ад, только невидимо, а там все видимо – и Бог, и рай, и ад». Поэтому, конечно, у каждого свой ад – но и рай свой...

Я видел ад (Бог милостив, во сне),
Дрожит гора, каменья опадают,
Дыра зияет, низ ее в огне,
Огонь бушует, но не освещает.

Огонь до неба. Вместо неба – мрак.
Не отойти, не оторваться взгляду.
И все кругом непрочно, абы как —
И сами горы – оболочка ада.

Я знаю, там, за входом – пустота,
Оступишься – умрешь еще в полете.
А за спиною – гиблые места,
Да пропасти, на каждом повороте.

И жути, и тоски не побороть.
Взметнулось пламя, чуть не опалило.
Грозит дыра. Когда бы не Господь —
Она б собою Землю поглотила.

Но что такое? Кто над бездной стал?
Мальчишки... ничего не понимаю...
Бросают камни. Вдруг один упал, —
И гухнул ад, добычу принимая.

Иеромонах Роман (Матюшин)

* * *

Из письма читателя об Интернете: «На мой взгляд, должно быть больше православных сайтов, пусть неумелых и кустарных, но именно они в массе своей призваны мало-помалу становиться той каплей, которая будет способна подточить гигантский камень сатанизма и бездуховности, которые, увы, господствуют в наших средствах массовой информации, в том числе и в Интернете. К слову, два обширных порносайта в Интернете так и называются – "devil" и "greh". Как видите, их создатели не скрывают своей духовно-нравственной ориентации, вернее, отсутствие оной».

Признаюсь, что я сажусь за компьютер с тяжелым чувством. Да, священноначалие благословило, да, есть от «всемирной паутины» польза для православной газеты, но все равно что-то в душе точит, точит, затягивает... Возможно, уже скоро мы узнаем истинную сущность столь удобного для человечества изобретения. Узнаем, когда совсем запутаемся в тенетах и выбраться из них не будет никакой возможности... Тогда-то и появится зловещий паук...

* * *

«Русь! Русь! Бедно, разбросано и неприятно в тебе; открыто-пустынно и ровно все в тебе... ничто не обольстит и не чарует взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечет

к тебе? Почему слышится и раздаётся немолчно в ушах твоя тоскливая... песня?» (Гоголь). Таможня дала добро – и автобусные шины мягко переносят тебя в пределы родного Отечества. Прощай, Эстония, со стриженными газонами и домиками, похожими на ярко раскрашенные игрушки.

Ивангород – Россия, и сразу меняется сельский вид из окна. Убожество предстает твоему взору. Домики-хибары, или сараи, или хижины, разбросанные кое-как, сколоченные на глазок, с покосившимися стенами и латаными крышами. Все наспех, на авось, на скорую и нетрезвую руку. Так нищенски, что никто уже и не скрывает своей нищеты и безысходности. И на всем этом лежит незримый налет серой пыли, который ни стереть, ни сдуть невозможно – воздуха нет! За 150 километров пути от границы до города лишь несколько церквей с запахнутыми воротами. Тяжелым сном спит моя Родина. Буди – не добудишься...

РУССКАЯ ДУША

Не пытайтесь! Нельзя объяснить!
Что к чему здесь. Напрасно стараться
Ухватить эту красную нить,
Что связала страну, не пространство.
Здесь от скуки кричи-не кричи,
Даже птицы не станут пугаться.
Лишь мужик на секретной печи
Вдруг проснувшись, поедет кататься.
Даже в пору нелегких годин
К нам ни с плетью нельзя, ни с елеем.
Здесь Лжедмитрий уже не один
И развенчан, и прахом развеян.
Пусть заботы у нас и умы
В обрусевшей картошке и в жите.
Запрягать не торопимся мы.
Ну, а если поедем – держитесь!
В этой жутко-прекрасной судьбе
Дни – столетья, не то чтобы годы,
Как магнит, притянули к себе
И вобрав, растворили народы.
Не прельстить, не распять на щите,
В нищете и гордыне истаем...
Ну, а Вера: ударь по щеке,
Мы другую в смиренье подставим.
Почему так? Да Богом дано!
Пусть концы в неувязке с концами.

Как все глубже байкальское дно,
Так и звезды все выше над нами.

Валентин Голубев, СПб.

* * *

К именинам настоятеля монастыря иеромонаха Н. мы с женой долго искали подарок; нашли, наконец, очень красивую кружку и блюдце с русским узором, приложили на открытке

добрые слова и пожертвование в конверте. В удобный момент с пожеланием здоровья и благоденствия вручили монаху подарок. Он равнодушно взглянул и передал послушнику: «Отнеси на кухню!»

Конечно, незачем монашествующему приращаться к вещам, но больше с днем Ангела мы его не поздравляли – желание пропало... «Дар – не купля: не хаят, а хвалят».

«ОСТАВИ НАМ ДОЛГИ НАША...»

О наш всеобщий Примиритель!
Спаси, прости моих врагов;
И будь мне, грешному, Спаситель,
Не помяни моих долгов.
Никто со мной в грехах не ровен —
Безмерно, Боже, я виновен!

Михаил Погодин † 1875

* * *

На лесной тропинке возле речушки, кольцом свернувшись, грелась на летнем солнышке мама-ужиха. Внутри, сложившись маленьким колечком, под защитой мамы млел ужонек. Заслышав мои шаги, ужонек скользнул в кусты, и лишь мгновение спустя, убедившись, что сынок в безопасности, исчезла ужиха.

Змеи не зря боятся людей: убивают всех пресмыкающихся без разбору; люди теперь вообще убивают в лесу всех, кто слабее. А если карабин с оптическим прицелом попадет в руки, то лучше держаться от его обладателя подальше: не дай Бог, попадешь в перекрестье прицела...

А безобидного ужа отличить от ядовитой гадюки просто. Жаль только, что человек сначала убивает, а уж потом разбирается...

ЗМЕЯ

Ту ошибку свою
Вспоминаю нередко.
Наступил на змею —
Был уверен, что ветка.
Оказалась больна
Там, где рыжая влага,
Иль решила она
Притвориться за благо?
Отскочил через миг, —
Так сработала сила.
А она напрямик
По траве проскользила.
С дрожью крикнул: «Убью!..»
И, бродя средь осинок,
Целый месяц змею
Ощущал сквозь ботинок.

Константин Ванишенкин † 2003

* * *

Чечня, словно черная дыра, высасывает из ослабевшей России деньги, людей, технику, а главное – высокий воинский дух, без коего победа в войне невозможна. «За себя воюем, чтобы не убили», – говорят участники этой бессмысленной бойни.

А в переходах метро поют самодельные песни под гитару однорукие, безногие, хлебнувшие чеченского лиха мальчишки в камуфляже: «Я вернусь, мама, я вернусь, потому что ты ждешь меня...» Они вернулись. Торопливая толпа щедро бросает инвалидам деньги-бумажки. Но на них руки-ноги не купишь...

Недалеко до Судного дня.
Не бывает страшнее урока.
Самых лучших уносит Чечня,
Самый цвет обрывает до срока.

Не могу я смотреть на экран,
Где хоронят своих офицеры,
Где героев берут на аркан
Человеческих прав изуверы.

Боль такая в моем кулаке!
О Россия... Уже угрожая,
Даже псы на чужом языке
Стали гавкать, что ты им чужая.

Николай Рачков, СПб.

И еще мысль посетила меня. После Отечественной войны инвалидов и страшно изуродованных было на улицах неизмеримо больше, пока Сталин не убрал их с глаз долой на Валаам или еще куда. Конечно, побирались, пьянствовали, но в основном сбивались в инвалидские артели – чинили, латали, штопали – и на честный хлебушек хватало.

Кому в укор был человек —
Без ног, в заштопанной шинели?
Однажды взяли всех калек
И разом их куда-то дели.

Солдат, обрубленный войной,
Кому жалеть? Ну что за дурость.
Страна моя, какой виной
Ты в одночасье захлебнулась?

Их всех, за честь родной земли
Под бомбы вставших и под пули,
Не отмолили. Не смогли.
И рухнул мир не потому ли?

Николай Рачков, СПб.

Наверное, есть силы и у этих ребят, если целый день могут простоять на одной ноге с костью, да еще песни петь. Поэтому так мало попадает их в Питере – большинству претит униженно кланяться с плакатом «Помогите инвалидам Чеченской войны». Слепые от рождения или от болезни, сам видел, – и те работают, собирают комнатные выключатели, – плохие, правда. А вы... вы же солдаты! Надо держаться...

Париж французы не сожгли,
Когда вошли в него казаки.
Иной закон иной земли
И небом посланные знаки.

А мы? Рвануть рубаху с плеч.
Последний рупь – на танк и пушку.
На амбразуру грудью лечь
За выжженную деревушку.

Константин Ваншенкин † 2003

* * *

А в Пюхтицком Свято-Успенском монастыре подошла ко мне незнакомая инокиня и подарила носочек Виленского святого мученика Антония – в благодарность за искренность в «Записках редактора». Не скрою, приятно, хотя, если разобраться, искренность есть Божий дар и ничего твоего; а все равно радостно, что читают: не так легко открывать людям свои, пусть прошлые, но худые дела и мысли. Наверное, многие считают меня плохим христианином (что, в общем-то, верно) еще и потому, что мое тайное становится явным по воле Божией и моей, но подвигает к этому Сам Господь, а ты лишь преодолеваешь мешающую стыдливость и подбираешь слова... «Совесть, – по выражению А.И. Ильина, – есть первый и глубочайший источник чувства ответственности, совесть есть основной акт внутреннего самоосвобождения». Если

серьезно заинтересуетесь этим вопросом, прочитайте главу четвертую «О совести» книги И. А. Ильина «Путь духовного обновления», т. I., 1996.

Еще в Пюхтице исповедовался пожилому протоиерею о. Димитрию. И так легко стало рядом с ним, что все перемешалось в моей исповеди – и грехи, и невзгоды, и болезни, и недомогания. Все выслушал батюшка терпеливо. А выслушав и наложив епитрахиль на грешную голову, только и сказал: «Какой ты простой!» Слезы брызнули из глаз и я упал перед исповедником на колени. А батюшка, отпустив грехи, поцеловал в лоб и добавил: «Газету не бросай, во всем уповай на Бога, парень!» Редко так случается: исповедь, как выдох – и священник, готовый взять твой груз на себя... «Содеянный грех почти тотчас гонит кающегося к Богу, как только он примет в чувство зловоние, тяготу и неистовство греха. Человека же, не желающего покаяться, грех удерживает при себе и вяжет его неразрешимыми узами, делая сильнейшими и лютейшими его пагубные пожелания» (Св. Иоанн Карпатский).

Во мгле настороженной русской,
Где праздный шатается люд,
По тропке заснеженной, узкой,
Монахини тихо идут.

Идут и, как будто, теплеют
Лучи безымянной звезды,
А там, где деревья темнеют, —
Там Матери Божьей следы.

Свершается, Ею хранимый,
Сестер монастырских обход,
По кроткой молитве за ними
До утра преграда встает.

И злобствует адова сила
За этой незримой стеной,
И мечется рой чернокрылый,
И мерзкий сгущается вой,

И камням становится жутко,
И в сердце проносится крик,
И, кажется, колокол чуткий
Уже напрягает язык...

Но спи, растревоженный житель,
Монахини входят во храм, —
Стоит нерушимо обитель,
К святым прилепившись мощам.

О. Анатолий Трохин, СПб.

* * *

В конце июля срубили на даче старую березу. И еще много дней сочился из ее пня-обрубка зеленовато-прозрачный душистый сок. Попробовал на вкус – соленый...

Березы плачут от людей лихих,
О людях добрых думая, наверно.
Но тень берез и для сажавших их,
И для того, кто им же режет вены.

Иеромонах Роман (Матюшин)

* * *

Финны да эстонцы по несколько раз в день заходят в сауну погреться. Не в привычку это русскому человеку. Баня – праздник после трудовой недели, баня – лечебница при любых болезнях. У русского все в свою меру – и работа, и отдых, и веселье. А что для русского хорошо, для немца – смерть! Гуляй, гуляй, веничек, по распаренному телу, пока хозяин с криком не взмолится: «Будет!» – и выльет на дымящиеся от жара волосы ушат ледяной воды. А попив кваску, повторит процедуру до полного изнеможения. Потом, когда уж сердцу невмочь, вываливаются из присевшей в землю от времени баньки враз помолодевшие мужики с приставшими к спине листочками березки. С легким паром!

А вот она и баня,
Стоит у самой речки.
Попаришься немного,
Глядишь, и сразу легче.

Он взял тяжелый ковшик,
Плеснул воды на камень
И ощутил блаженство
Спиной, плечом, боками,

Коленкою и локтем,
Ноздрей и русым чубом.
Нет, не напрасно предки
Считали баню чудом.

Ах, баня! Храм здоровья,
Телесная услада.
Для этого леченья
Лекарствия не надо!

Виктор Боков

Пусть мне сегодня приснится мама», – прошу свою путешествующую по ночам душу.
Но мама не снится ни в первую, ни во вторую, ни в третью ночь. Выходит, Господь не исполнил моей просьбы? – думаю с огорчением. Но все эти дни и перед сном я неустанно думал о маме, и разговаривал с ней, и сожалел о прошедшем, и молился о упокоении ее души. Я просил о встрече во сне, а получается, случилась она в яви...

Уйду. Бывает, свет забуду.
Вернусь – в окне сияет весть
Златая... Верю Божью чуду,

Что мама дома, мама есть!
Надеждой странною ведома,
Скорее к маме – дом не пуст...
Теперь в раю она, как дома.
Не зря все дни о ней молюсь.

Ирэна Сергеева, СПб.

* * *

Тестя похоронили на Северном кладбище, где сотни тысяч людей нашли свое последнее пристанище. И близкие с любовью обихаживают их скромные могилы. И мы с женой бываем на кладбище, пытаемся вырастить цветы на выжженной от солнца земле.

Но, признаюсь, я не люблю приезжать сюда: неподалеку расположены совхозные свино-фермы, и ветер, дующий оттуда, разносит по всему кладбищу сильнейший «аромат» нечистот. Додуматься до подобного могли только те, кто ни во что не ставит ни жизнь человеческую, ни память людскую. Испокон века на Руси для погоста миром выбирали лучшие места, на возвышении, с песчаной почвой и лесом. На кладбище имели обыкновение приходить почаше – подумать о вечном, стряхнуть земное, поклониться предкам. А уж о коровниках поблизости и говорить стыдно: хоронили христиан по-христиански: кладбище почиталось святым местом. И весь сказ.

Спят мои родители под соснами,
проложив незримый к небу мост,
тихими задумчивыми звездами
озарен их праведный погост.

Надоело им на свете маяться,
и сюда, под тихий свод небес,
соловьи весенние слетаются,
чтобы их утешить, наконец.

Вот и мы, земли печальной жители,
утешенья царственного ждем.
Спите, наши милые родители,
скоро мы под сосны к вам придем.

Все тогда обсудим, без сомнения,
и, от временных избавясь пут,
разные земные поколения
навсегда друг друга обретут.

Иван Стремяков, СПб.

* * *

Каждые семь лет Ладога делает вдох, и берега отступают далеко от банек рыбаков. Чтобы искупаться, теперь надо долго брести по выступившей гальке и глине до мелкой воды. Зато тишина: даже могучие джипы побаиваются мягкой тверди и где-то в другом месте спускают

на воду бесовскую игрушку – грохочущий на всю деревенскую округу водный мотоцикл. Но сам питерский люд, истосковавшийся по жаркому солнышку и водичке ласковой, не заленится пройти почти версту по мелководу, чтобы погрузиться по грудь. Наступило время желанной дачной жизни – с дымящимся самоваром на еловых шишках, буйством природы на огороде и переполняющей все тишиной. Даже ветра нет, чтобы запустить с внуком воздушного змея с длинным-предлинным хвостом. И так хорошо, развалясь в кресле-качалке, выпитывать под старой яблоней «Сказание о Русской Земле» А. Нечволодова: «Предлагаемая книга написана с целью дать возможность каждому Русскому человеку изучить жизнь и дела своих предков в давние времена. Изучение это не только высокопоучительно, но и совершенно необходимо. Оно показывает, от каких смелых, мудрых и благородных людей мы приходим; какие великие труды были положены ими на создание нашей Родины, и как обильно орошена их кровью каждая пядь Русской Земли. Вместе с тем, изучение это показывает нам и путь, по которому мы должны идти, чтобы исполнить священную обязанность перед потомством – сохранить для него в полной неприкосновенности святое наследие наших предков – Русскую Землю».

Еще живет и не сдается
Моя земля под игом лжи...
Хотя давно не так поется,
Не те явились рубежи,
Не те восходы и закаты,
Не те деревни-города,
И сами мы – не те ребята,
А те – пропали без следа.

Михаил Аникин, СПб.

«Мы прерываем с газетой всяческие отношения, но книги для киосков – теперь без льготной уступки – вы можете по-прежнему у нас приобретать», – сообщила редакции после размолвки одна «дама от Православия». Ну уж нет! Да и какие у нас отношения остаются – дружеские, духовные? Не можно коммерцию ставить выше Православия, нельзя ради денег поступаться совестью. Не станем мы приобретать у вас книги, сударыня, – даже и на льготных условиях.

От бесконечной злобы плоти
Уйти, и ночью без огней,
В лесу, на волчьем повороте,
Увидеть лик души своей.

Окаменеть и отшатнуться,
Что будет сил, бежать назад,
Остановиться и вернуться,
Соединить со взглядом взгляд.

И шарф сорвать с небритой шеи,
И, снег расплавив в кулаке,
Почти беззвучно, вместе с нею,
Завыть на древнем языке.

Понять, что никуда не деться
От тьмы, что всюду разлита.

И вдруг почувствовать у сердца
Спокойный холодок креста.

О. Анатолий Трохин, СПб.

* * *

Одиночество считают наказанием. Одиночество присуще монахам. Одинокое заключение – очень тяжелое испытание. Люди бегут одиночества, скрашивая его друзьями, книгой, музыкой, телевизором... Но однажды меня пронзило – одиночество спасительно: только наедине с собой предельно ясно слышишь неразличимый в шуме голос совести; одиночество ведет к прозрению, очищению мысли, вдохновению. Одиночество сливается с молитвой, и тогда она бывает слышима Богом. Одиночество – ступенька к Царствию Небесному; одиночество – милость Божия...

«Когда человек осознает свое одиночество, он вопрошает: "Кто поможет мне?" И ответ гласит: "Я сам должен помочь себе"... И заложен первый камень характера. А еще ответ гласит: "Господь в небесах поможет мне тем вернее, чем преданнее буду я"... И заложен основополагающий камень живой веры. В одиночестве человек находит самого себя, силу своего характера и святой источник жизни» (И.А. Ильин. «Книга раздумий»).

ОДИНОЧЕСТВО

Поверь мне: – люди не поймут
Твоей души до дна!
Как полон влагою сосуд, —
Она тоской полна.

Когда ты с другом плачешь – знай:
Сумеешь, может быть,
Лишь две-три капли через край
Той чаши перелить.

Но вечно дремлет в тишине
Вдали от всех друзей, —
Что там, на дне, на самом дне
Больной души твоей.

Чужое сердце – мир чужой,
И нет к нему пути!
В него и любящей душой
Не можем мы войти.

И что-то есть, что глубоко
Горит в твоих глазах,
И от меня – так далеко,
Как звезды в небесах...

В своей тюрьме, – в себе самом,
Ты, бедный человек,
В любви, и в дружбе, и во всем

Один, один навек!

Дмитрий Мережковский † 1941

* * *

«Гореть тебе в аду!» – с ходу при встрече бросил в лицо человек, с которым нас ничего не связывало, по поводу опубликованного в газете материала. Без раздумья отправил в ад, раз наши мнения расходятся. И еще много чего неприятного наговорил о газете. А я вспомнил, как несколько лет назад тот же человек предлагал мне продать ему право на издание газеты «Православный Санкт-Петербург». Так, может быть, не в газетных ошибках дело?

«Зависть вначале обнаруживается неуместною ревностью и соперничеством, а затем рвением с досадою и прирцанием того, кому завидуем» (Прп. Амвросий Оптинский).

«Как он смеет! Да кто он такой?
Почему не считается с нами?» —
Это зависть скрежещет зубами,
Это злоба и морок людской»...

Юрий Кузнецов † 2003

* * *

В подвале нашего «корабля» жил дикий, умудренный жизнью кот. Вообще-то их много там обитало, разных цветов и оттенков. Но этот кот выделялся боевыми отметинами – уши порваны, на морде шрамы, и не труслив по пустякам. Я так и прозвал его – «Рваное Ухо». Потихоньку мы подружились. Я уважал его за смекалку и независимость: когда на улицу выводили без намордников громадных псов, Рваное Ухо с достоинством, не прибавляя шага, укрывался под ближайшей легковушкой и поворачивался к врагу хвостом. Злобный бессильный рык был не в состоянии нарушить его невозмутимость; он демонстративно ложился подремать, пока ошейник не утащит душегуба прочь.

Еще Рваное Ухо никогда, каким бы голодным ни был, не ел искусственного кошачьего корма. Однажды мне удалось вытащить из его пасти длинный кусок веревки, обмотанной вокруг зубов. Потихоньку от стал доверять мне. По утрам Рваное Ухо чинно провожал меня на работу до угла дома. А как-то ранней весной он настойчиво позвал меня к отдушине подвала; среди выводка крошечных котят он выбрал одного и облизал головку. Я понял: он с гордостью показывал мне своего сына.

Потом кот куда-то пропал, а мы переехали на новое место. Однажды, встретив бывшую соседку, я спросил: «А как там Рваное Ухо поживает?» И услышал, что разорвал его пес, из тех, злющих, которых держат в квартирах для защиты от воров: видимо, чего-то не рассчитал стареющий боец. Ну как же ты не уберегся, Рваное Ухо? Сколько раз играл ты с натасканными псами в «кошки-мышки» и всегда выходил победителем. Я ни разу не слышал, чтобы ты мяукал, и не хотел жить в теплой квартире, хотя я тебя звал... Как же ты...

Не мешайте мне сегодня плакать.
Прочь, друзья, (прошу меня простить,
Может же бездомная собака
Хоть однажды норов проявить).
Кто она, с оборкою на шее?

Что ей помешало сытно жить?
Разве лучше страждущей мишенью,
Кирпичом и выспятком служить?
Гавкала б, как все – бурду б лакала.
(Есть ли принцип этого старей?)
Али и для песьей жизни мало
Обладать пропиской в конуре?
Без хвоста, из-за нехватки злости,
Но топор не умалил добра.
И, чтоб даром не глодала кости,
Выперла хозяйка со двора.
Ты лизнуть ей норовила руки,
Понимая, что пощады нет.
Все ж твои порядочные суки
Не тебя ль облаяли вослед?
...Вот лежишь, устав и разуверясь,
Морду в лапы от прохожих глаз.
Что ж мы, люди? Пропадают звери
Оттого лишь, что добрее нас.
...Ветер. Ветер. Осень, рот разинув,
Льет и ждет, когда же мы уйдем.
Слякоть. Холод. Двое, я и псина,
Души свои лечим под дождем.

Иеромонах Роман (Матюшин)

А вот вам история – со счастливым концом. Сосед долго держал дворовую собаку в качестве сторожа, а когда она состарилась и оглохла, решил ее утопить. Выхав в лодке на середину реки, он бросил собаку за борт и поплыл к берегу. Оглянувшись, увидел, что собака плывет за лодкой. Он встал на корму и ударил животное веслом по голове. Пес скрылся под водой, но вскоре выплыл, весь в крови, и вновь догнал лодку. Хозяин размахнулся веслом еще раз, но не удержался и сам упал в воду. Плавал он плохо. Выплывшая и после второго удара собака схватила его за руку и стала тянуть к берегу, пытаясь спасти. Косари на берегу, увидев эту картину, вытащили неудавшегося убийцу вместе с собакой на берег...

Домой хозяин шел с собакой на руках. Всю дорогу до дома его трясло от неудержимых слез. Он дал слово заботиться о своем верном друге до его естественного конца («Духовный вестник», Брест).

ПЕС

Вокзал вздыхал в сто сотен легких,
Народ стучал, кричал и мчал...
Меж ног людских шныряя ловко,
Бродяга пес один скучал.
Он выбирал своих по духу.
Зевнет, понюхает... Не тот.
Но вот он выбрал умным нюхом,
Привстал и чмокнул! Прямо в рот...
А тот, избранник с желчным вкусом
В собачьи губы – свой башмак!
...И думал пес: «Ты... не собака?..»

А люди думали – не так.

Глеб Горбовский, СПб.

* * *

Что за напасть-беда такая? Ночью душно, за окном ливень, и снотворные не действуют. И после работы дома некому компьютер настроить, и совет дельный дать, и поворчать не на кого, и еда невкусная – яичница жженная. И все вкривь да вкось... А потому, что жена еще пару дней догуливает отпуск на даче с внуком – мы рядом, но не вместе. Сказано в Библии: *...оставит человек отца своего и мать свою, и прилепится к жене своей; и будут (два) одна плоть* (Быт. 2, 24). Сел в машину и привез супругу домой. И все встало на свои места.

Хорошо бы друг без друга
Долго быть не довелось.
Будет ветер, будет вьюга,
Будет огненный мороз.
В наше время,
В наши годы,
В наш период непростой
Нет прекраснее погоды,
Чем которая с тобой.

Виктор Гончаров

* * *

Одно из сильных впечатлений от посещения Финляндии – сверкающий чистотой туалет в густом зимнем лесу. Ни разбитых окон, ни скабрзных надписей; все, что положено, на месте, все, что должно работать, работает исправно; на тарелке при входе горка монеток...

«Не надо об этом писать, стыдно», – сказала жена. А я другого мнения: хорошему учиться не грех. Чтобы пусть не в лесах, а в городах наших маломальский порядок навести. Твердим о собственной исторической значимости, о загадочности души нашей, а в общественный туалет зайти страшно. Это же тоже жизнь...

* * *

Лингвистические тонкости: английское слово «nobody» – «никого» на русский переводится «ни души». Если же перевести это английское слово буквально – получается «нет тела». Они – о теле, а мы – о душе... «Как нет души, так что хошь пиши!».

Нет! Не спасти себя побегом
От бед, что вынести дано.
Ведь совесть, как вода под снегом,
Себя проявит все равно...

Сергей Зайцев, СПб.

* * *

Сдал по договоренности в крупное питерское издательство очередную книгу «Записок редактора». Вскоре раздался звонок: издатели остались недовольны фразой: «Русская песня: слова Фрадкина, музыка Френкеля. Или наоборот». Я думал, дело ограничится тем, что фразу просто вычеркнут вон, но издатели сказали, что рукопись книги отправляют в архив. Впрочем, вскоре книга вышла в Москве – с другими купюрами. А я все рассуждаю: какую крамолу нашли в этой безобидной фразе? Просмотрите песенники – и вы убедитесь в правоте сказанного. Нет здесь никакого антисемитизма, раз евреи пишут, а русские поют эти песни. Правда, недавно услышал: «Русским считается тот, кто говорит по-русски»... Вот и гложет меня сомнение: «А может, русским не больно-то и дают печатать русские песни? Дело-то прибыльное. Нет, не зря издательство обиделось...»

БЫТЬ РУССКИМ

Быть русским – не чаек из самовара
Под сахарок вечерять-смаковать,
Не водочку хлестать, не с пылу – с жару
Над пирогами в праздник колдовать,
Не тосковать, кляня свою судьбину
И душу выворачивать винтом...
Быть русским проще. Надо помнить имя —
Свое. – И все приложится потом.

Владимир Морозов, СПб.

* * *

В прессе промелькнуло сообщение о том, что финансовая империя «Менатеп» прибрала к своим рукам мурманское предприятие «Апатит». Больно ударила эта короткая строчка по моему сердцу.

На столе лежит раскрытая на 244-й странице книга «Хибинские клады», вышедшая в 1972 году. Это сборник воспоминаний участников освоения Заполярья, составителем которого стал мой отец. На первой странице его рукой написано: «Самый дорогой для меня Хибинский клад – ты, моя любимая спутница жизни. Хибины соединили нас на всю жизнь. Дарю тебе, Вера, эту книгу, которая воскресит в нашей памяти дни нашей юности».

Григорий Иванович Раков. Юго-Западный фронт, 1943 г.

С пожелтевшей бумаги на меня глядит красивый, молодой, девятнадцатилетний, чуть полноватый парень, очень похожий на меня, Григорий Раков. В начале 30-х годов такие парни и девчата начали в Хибинах штурм горы Кукисвумчорр для добычи апатита, столь необходимого стране стратегического сырья – из апатита вырабатывают алюминий. Там же, в Хибиногорске, отец стал осваивать трудную, но увлекательную работу газетчика. Среди его тогдашних друзей было немало таких, которые впоследствии стали известны всей стране: писатели Анатолий Горелов, Сергей Болдырев, Юрий Помпеев, Борис Семенов, поэты Лев Ошанин и Александр Решетов. В общежитии «спали мы на топчанах, – вспоминает отец. – Мой угол отличался тем, что в простенке были устроены полки, заставленные книгами писателей и поэтов»... В Хибинах отец обрел и свой самый ценный клад – познакомился и женился на Верочке Сироткиной, с которой прожил всю нелегкую армейскую жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.